

**РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА В ПРОЦЕССЕ
ФОРМИРОВАНИЯ МОДЕЛИ ОБЩЕСТВЕННОГО
РАЗВИТИЯ В ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВАХ**

Кириенко Виктор Васильевич, доктор социологических наук, профессор,
проректор по учебной и воспитательной работе
УО «Гомельский государственный технический университет
имени П. О. Сухого», г. Гомель, Беларусь

Опыт построения национальной государственности в постсоветских государствах показал, что процесс разработки и реализации национальной модели общественного устройства в целом и каждого ее фрагмента в отдельности, в особенности на первых этапах, осуществляется под влиянием этнонационального менталитета - своеобразного «зова предков» — сильного, в значительной степени неосознанного, эмоционально насыщенного, идущего от поколения к поколению социокультурного кода. Не случайно категория «менталитет» была реанимирована именно в то время, когда предшествующая публицистическая категория «человеческий фактор», введенная в оборот идеологами перестройки, полностью исчерпала свои эвристические возможности

Анализируя структуру общества, можно выделить три его основных уровня: политический, экономический и социокультурный или ментальный.

Политическая, экономическая и социокультурная ментальные компоненты общественного организма находятся в состоянии перманентного взаимодействия. Динамическая устойчивость общества определяется согласованием всех трех элементов.

Взаимодействие политической и социокультурной ментальной составляющих особенно рельефно проявляется в трансформационные периоды. Практика общественного реформирования последних десятилетий показала, что на первых этапах построения государственности большинство политиков апеллируют как к реальным, так и мифическим историко-культурным, этнонациональным корням. В свою очередь государственные институты корректируют, а то и откровенно формируют собственную легенду национальной истории и культуры, и таким образом корректируют характеристики этнонационального менталитета. Поскольку непосредственно на менталитет воздействовать невозможно, то открытому либо скрытому воздействию подвергаются социокультурные ценности, в которых укоренены ментальные характеристики.

После прохождения первых шагов в сложном процессе построения собственной модели общественного устройства наступило уяснение того факта, что общественная конструкция является работоспособной только в том случае, если она опирается на собственный социокультурный ментальный фундамент. Практика общественного реформирования убедительно продемонстрировала, что копирование североамериканских и западноевропейских политических и экономических моделей, без учета собственных национальных особенностей, культуры, обычаев, традиций, мотивационных моделей поведения, приводит к непредвиденным результатам, включая проявления откровенного национализма, шовинизма, жесткого гражданского противостояния, а зачастую - к военным конфликтам.

Следует отметить, что в эклектическом соединении элементов иностранных политических, экономических и социальных технологий с отечественной духовно-нравственной культурой вина не только политиков. Под влиянием долгое время монополично господствовавшей марксистской философско-социологической традиции, органично вытекавшей из гегелевского рационализма, в частности постулата об объективности общественного развития, неизбежно приводящего к внеклассовой и наднациональной общественной структуре, советское обществоведение и развивавшееся в его системе человековедение явно недостаточное внимание уделяло системному анализу национально-специфических социокультурных, в том числе и этнонациональных особенностей общества. Социальная история, в том числе и новейшая, более чем убедительно демонстрирует ошибочность представлений о том, что социально-исторический процесс объективно «переплавляет» этнонациональные образования как пережитки родоплеменных форм человеческого сообщества в наднациональные цивилизационно-региональные сообщества (СССР, ЕС), а затем и в глобальное мировое сообщество. «Новая историческая общность - советский народ», как и народы бывших Югославии, Чехословакии, Молдовы и Грузии, размежевались и продолжают размежевываться не столько по социально-классовому, социально-стратификационному или политическому, сколько по конфессионально-культурному и этнонациональному признакам.

Активный интерес к этносу и к его базовой характеристике — менталитету на постсоветском и постсоциалистическом пространстве был вызван как объективными, так и субъективными причинами. Объективно ренационализация и резтнизация явились защитной реакцией на девальвирование и деградацию социальных идеалов и базовых ценностей социально-государственных образований, релятивизацию социальных процессов, усложнение механизмов социальной жизни, деформацию государственно-цивилизационных институтов, неспособных обеспечить целостность полиэтничного государственного образования. В такой ситуации этнос, его культура, история, мифы, легенды, предания, кровно-родственные связи и отношения представлялись единственно стабильными образованиями, устойчивыми реперными точками, обеспечивающими социальную устойчивость в пространстве и времени. В условиях системно трансформирующегося общества при выборе стратегических направлений жизнеустройства безобидные бытовые этнонациональные различия нередко перерастают в принципиальные, зачастую антагонистические противоречия, появляется острая потребность в ответах на вопросы: «кто мы?», «откуда мы?», «чем мы отличаемся от других?», и в конце концов, «кто наши друзья?» и «кто наши враги?».

Актуализация этнических процессов и интерес к ментальным характеристикам обуславливались, с одной стороны, необходимостью корректировки негативных последствий ошибочно выбранной стратегии на слияние народов и наций в единую наднациональную социальную общность, с другой - потребностью в восстановлении этнонациональной культуры, этнонациональной самобытности, желанием наций и этносов обустроить свою жизнь в соответствии с собственными социокультурными алгоритмами, собственным менталитетом. В

этом смысле процесс реэтнизации в постсоветских и постсоциалистических странах явился сколь необходимым, столь и прогрессивным. Но интерес к этнонациональным особенностям был определен не только объективными причинами, но и субъективными факторами: острым стремлением политической, экономической, культурной этнонациональной элиты к собственному самоутверждению и реализации целей, далеко не всегда совпадающих с коренными интересами народа. Коллизии, происходящие на постсоветском и постсоциалистическом пространстве, откровенные спекуляции на этнонациональных чувствах наглядно продемонстрировали, каким образом естественные этнонациональные различия в периоды социального хаоса способны трансформироваться в противоестественное межнациональное, межэтническое противопоставление и противостояние.

Таким образом, в условиях неуклонного возрастания значимости национальной специфики образа жизни народа - российского, белорусского, украинского и др. - существенно актуализировалась проблема осмысления содержательного наполнения и корректного применения категории «менталитет». Актуальность исследования истоков, настоящего и перспектив развития национального менталитета определяется тем, что системная трансформация общества, построение собственной государственности, корректировка векторов внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности потребовали инструментально определить как общечеловеческие, так и отличительные особенности менталитета своего народа.